

Егор Гайдар: "Не надо бояться за человека с ружьем"

Ни одна реформа так не ожидается обществом, как реформа военная. Про наши вооруженные силы все уже все поняли. Несмотря на достойную роль нашего министра обороны Иванова в международной жизни страны, солдаты по-прежнему бегут из казарм, больше напоминающих зоны. Война в Ираке также показала, какую эффективность можно и нужно получить от военной организации государства. Но противодействие именно этой самой очевидной реформе носит по-военному спланированный, чрезвычайно упорный характер. И так получилось, что главным тараном оборонительных рубежей МО стал Егор Гайдар.

– Егор Тимурович, вы выглядите сугубо штатским человеком. Почему именно вы стали главным оппонентом Министерству обороны?

Я директор Института экономики переходного периода, который по решению правительства является одним из соисполнителей целевой программы перевода рядового и сержантского состава вооруженных сил на контрактную систему комплектования. У нас есть очень серьезные претензии к тому проекту программы, который был подготовлен Министерством обороны и доложен на заседании правительства 24 апреля.

– Любая реформа армии – это некоторое сочетание экономических возможностей и задач по военному строительству. Насколько ваш институт может оценить военные вопросы?

– Вопрос о военной реформе, о комплектовании вооруженных сил всегда наполовину вопрос военный, наполовину – экономический. Потому что это всегда вопрос денег. Напомню, что в числе ключевых

разработчиков военной реформы в Соединенных Штатах Америки, членов специально созданной в 1969 году для этого комиссии, были два таких человека, как Алан Гринспен и Милтон Фридмен. Один – руководитель федеральной резервной системы США, другой – основоположник чикагской экономической школы, будущий нобелевский лауреат. И они внесли серьезный вклад в подготовку концепции военной реформы, которая потом была успешно реализована в США.

У меня есть в институте военная лаборатория. В ней работают специалисты по военной экономике, военные. Возглавляет ее доктор технических наук, авторитетный специалист в этой области полковник Виталий Иванович Цымбал. Мы, естественно, советовались с другими специалистами, проводили несколько семинаров в Академии военных наук, которую возглавляет генерал армии Махмуд Ахмедович Гареев. Академия по нашему заказу проводила специальные исследования. Активную роль в разработке концепции принимал бывший первый зам. командующего Сухопутными войсками генерал-полковник Эдуард Аркадьевич Воробьев.

– Вы можете коротко сформулировать, какая армия нам по карману, а какая нет?

– Вопрос длинный. Я не хотел бы пытаться ответить на него целиком, потому что потребуются обстоятельный ответ. И не по всем аспектам я могу выступать в качестве специалиста. Но системой комплектования вооруженных сил я занимался много. И в этой части могу дать однозначный ответ. Призывная армия в сегодняшней России нежизнеспособна. Армия должна быть укомплектована органичным сочетанием профессиональных офицеров, мичманов и прапорщиков и профессиональных контрактников. Также она должна включать систему подготовки военнообученного резерва. Министерство обороны согласилось, что разумное время для подготовки резервистов – шесть месяцев.

– Тогда в чем ваши разногласия с Министерством обороны?

– Они носят вполне конкретный характер. Первое: радикальное различие в оценке единовременных расходов при переходе на контрактную службу. Второе: вопросы о сроках перехода рядового и сержантского состава на контракт. И третье: это вопрос о целесообразности сохранения призыва после перехода части вооруженных сил на контрактную основу.

– Давайте разберемся подробнее в сути разногласий. Сначала о деньгах.

– Многократно было признано, это, кстати, прозвучало и на заседании правительства, что главные единовременные расходы по переводу армии на контрактную основу – это переоборудование казарм в общежития. Если сейчас у нас призывники живут в казармах на 100 человек и спят на нарах в два яруса, то мы должны эти казармы переоборудовать так, чтобы они жили так, как живут студенты и аспиранты.

Я посмотрел, сколько метров приходится в общежитиях физтеха на одного студента. Выходит около девяти метров общей площади, шесть метров жилой. По приказу министра обороны №102 за 2000 год предусмотрено размещение контрактников в солдатских общежитиях, которые должны быть рассчитаны из тех же цифр – приблизительно девять метров общей площади. Теперь давайте проведем простые арифметические расчеты.

Мы забудем, что существует казарменный фонд на 1 млн. 100 тысяч человек. Фонд с уже подведенными коммуникациями и выделенными землеотводами, которые составляют значительную часть стоимости строительства жилья. Давайте предположим, что все строим с нуля. Министерство обороны считает, что единовременные расходы должны составить 65 млрд. 449 млн. 880 тыс. рублей. Министерство предполагает

перевести на контракт 131 555 человек. Дальше все просто. Разделим цифру Минобороны – 65 млрд. 449 млн. 880 тысяч на среднюю цену строительства одного квадратного метра жилья. По данным Госкомстата, она составляет 7072 рубля за квадратный метр. А потом посмотрим, сколько метров приходится на одного контрактника, если исходить из того, что они будут жить в одном кубрике вчетвером. Так вот, если предположить, что мы все строим в чистом поле, то при таких расходах мы получаем, что площадь кубрика будет 281,4 кв. метра. Так считают военные. А как считаем мы?

Мы запросили экспертные оценки стоимости реконструкции казарм. Сделали нам их две авторитетные организации – Институт экономики города и Академия народного хозяйства. Посмотрели конкретные казармы, оценили, что можно переоборудовать. Получили разные цифры в диапазоне 2300–2800 рублей за квадратный метр. Но мы и эти цифры увеличили практически в два раза. В итоге заложили 4500 за метр. Перемножаем: 131555 контрактников на 9 метров, причитающихся каждому, и еще на 4500, стоимость одного метра. Получаем 5 млрд. 327 млн. 970 тыс. рублей. Вот и небольшая разница в тринадцать с лишним раз.

– Но военные же не идиоты. Они же понимают, что кубрики по 281 кв. метру на 4 человек – это бред. Откуда же такая разница в ценах?

– Частично это безумно завышенные расценки. Это практика всех ведомств. Я оперирую только открытыми цифрами и цифрами официальной статистики. У нас была дискуссия с Минобороны по поводу уровня секретности этих программ. Шла длинная переписка. Мы предлагали рассекретить хотя бы те данные, которые Минобороны и правительство РФ представляют в международные организации. Но нам не удалось добиться этого. Поэтому я оперирую только открытыми цифрами.

Второй момент. На основе элементарного арифметического расчета из цифр Минобороны выясняется, что на строительство квартир для

женатых военнослужащих рядового и сержантского состава предлагается потратить 11 млрд. 15 млн. 70 тыс. рублей. И на эти деньги предлагается построить 13156 квартир. Возникает интересный вопрос: с какой стати, когда у нас колоссальное количество бесквартирных офицеров, мы должны строить квартиры для контрактников? Мы что, женатым призывникам, которые у нас есть, квартиры предоставляем? Жилье для контрактников, собственно, никто и нигде не строит. Я считаю, что в таких случаях надо давать деньги на наем жилья, и это будет в десятки раз дешевле. Но проигнорируем эти соображения. Опять же исходим из того, что строим в чистом поле, платим за землеотвод и коммуникации. Получается, что в расценках Минобороны мы предоставляем контрактнику квартиру в 118,4 метра площади. Скажите, вы видите лицо контрактника, которому мы предоставляем такую площадь? Нет.

Но дело не только в завышении цен. Главное – расчеты Минобороны сделаны не на ту программу, которая обещана обществу.

– *Что вы имеете в виду?*

– Обществу представлена программа перевода армии на контрактную основу комплектования. То, что представило Минобороны, это вовсе не бессмысленная программа. Она имеет свою логику, но она другая. Это программа создания некоторого количества частей и соединений постоянной боевой готовности. Поэтому там изначально большие деньги должны быть вложены в ремонт техники, ремонт полигонов, приобретение нового вооружения и т.д.

Все это важные вещи, и я не против, что все это целесообразно делать. Но все это не имеет отношения к реформе системы комплектования. Если позволяют финансовые возможности государства, то можно за счет отдельной целевой программы создания частей постоянной боевой готовности эти вопросы решить. Более того, я даже готов рассмотреть аргументы, что надо сейчас в качестве приоритета брать не перевод на контрактную службу всей военной организации, а создание

именно этих частей боевой готовности. То есть разделить армию как бы на две части и заниматься одной из них. Но в любом случае надо это сказать честно.

Честно скажите обществу, правительству, президенту, что вы не собираетесь переводить армию на контрактную службу, а собираетесь получить некоторое количество боеспособных соединений. Потому что иначе получается бог знает, что. Мы получаем безмерно завышенные расходы, но в результате переводим на контрактную службу лишь треть сержантского и солдатского состава. К 2007 году мы выясняем, что большинство солдат и сержантов до сих пор призывники. При этом призывной контингент резко сокращается. Что остается делать? Отменять отсрочки. На мой взгляд, именно эта логика заложена в программу, представленную Министерством обороны. Надо просто перевести ее с административного языка на русский.

– *Разногласия по деньгам в целом понятны. А какие еще два принципиальных разногласия?*

– Второе важнейшее разногласие: что мы должны сделать за эти четыре года? В нашем представлении мы должны перевести на контрактный способ комплектования все вооруженные силы. Нам нужно для нашей организации столько-то офицеров, столько-то курсантов, столько-то мичманов и прапорщиков и 400 тысяч контрактников. И мы должны иметь к 2006 или 2007 году 400 тысяч. А Министерство обороны говорит: мы переведем не 400 тысяч, а 131555 человек. А потом, когда мы все это сделаем, то подумаем, что делать с призывом. А что думать, если большая часть армии укомплектована призывниками...

– *То есть будут призывать и дальше?*

– Естественно. Более того, из-за последствий Второй мировой войны у нас в 2006 году начнется демографический спад. В армию должны были бы пойти правнуки тех, кто погиб. Количество призывников резко

уменьшится, почти в два раза. И этот демографический провал продлится до 2011 года. Поэтому призывная система нежизнеспособна после 2006–2007 годов.

– *А перевести на контракт 400 тысяч человек намного дороже, чем 130?*

– Наши предложения по объему финансирования не так сильно отличаются от того, что предлагают военные. Возьмем наши расчеты для 130 тысяч человек и увеличим в 3,1 раза. Получится 16 с копейками миллиардов рублей. Мы вспомним, что им надо прилично платить. И когда мы учтем эти выплаты, то выяснится, что разница между нашими предложениями не слишком большая. Но мы при этом получаем принципиально другой результат.

Если вы начинаете программу, то нужно думать о том, что вы хотите получить по ее завершении. Когда американцы в 1970 году начинали реформу системы призыва, у них начались серьезнейшие проблемы с военными. Но они твердо решили, что к 1973 году не будут призывать на военную службу и все вооруженные силы будут комплектовать за счет контрактников. Именно за это они и заплатят деньги. У них была четкая программа, которая должна была закончиться ясным результатом. В случае, когда вы не переводите все вооруженные силы на контракт, это опять полумеры, полуреформы. Вы ни к чему не приходите, хотя платите огромные деньги.

– *И третье разногласие?*

– Мы считаем, и в этом согласны с Минобороны, что нам нужно сохранить призыв до полугода для получения военнообученного резерва. Это может быть организовано по-разному. Если парень учится в высшем учебном заведении, пусть он выезжает в военно-полевые лагеря и получает там подготовку. Если он закончил школу, то через шесть учебных месяцев мы предлагаем ему заключить контракт или демобилизуем. Но

Министерство обороны настаивает, что после полугода учебы призывник должен еще полгода махать метлой. На мой взгляд, это способ торпедировать реформу. Чтобы отмазать от шестимесячной военной подготовки, мало какая семья будет платить несколько тысяч долларов взятки...

– *А за год будет.*

– В ситуации, когда в семье один сын, он грамотный, образованный, собирается учиться в институте, заставить его насильно служить в армии – практически безнадежная затея. Те, кто думает, что нынешние проблемы с призывом – это неприятные случайности, временные перебои и надо просто навести порядок и отменить отсрочки, просто не понимают того общества, в котором живут.

– *А почему военные так настаивают на этой позиции?*

– Есть два мотива: более благородный и менее. Благородные мотивы носят исторический характер. Любая военная организация консервативна и хочет сохранить себя в том виде, в котором она существовала в предшествующее десятилетие. Беда в том, что иногда это вступает в противоречие с изменениями, которые происходят в жизни. Причем ситуация с военным делом или военной техникой социальна. Скажем, рыцарская военная конница между VIII и XIV веками была прекрасным способом организации вооруженных сил. А потом ситуация изменилась, и Франции нужно было несколько крупнейших поражений в Столетней войне, чтобы понять, что пора переходить на наемную армию, что она и сделала в конце концов.

Это не единичный случай. Обычно военные реформы происходят после крупного поражения. Если бы Америка не потерпела поражения во Вьетнаме, она бы еще долго сохраняла призыв. Если бы Россия не проиграла Крымскую войну, то у нас еще очень долго существовала бы рекрутчина.

– А менее благородные мотивы военных?

– Есть система призыва. В ней завязана масса людей и вращаются огромные деньги. Деньги за то, чтобы “отмазать” детей от службы в вооруженных силах. Есть и второе менее благородное соображение. Ведь призывная армия в наших условиях – неквалифицированная рабочая сила, которую можно использовать. Либо подметать дорожки, либо строить дачи. Если обобщать, то я уверен, что значительная часть упорства военных связана с тем, что отказ от призыва – это резкое сокращение тех денег, которые вращаются в сфере уклонения от воинской обязанности сегодня, и отказ от дармовой рабочей силы. Плюс, конечно, здоровый консерватизм.

– И как же это можно проломить?

– Везде, где проходила военная реформа, были нужны две предпосылки. Первая: это определенная, жестко высказанная политическая воля высшего руководства. Второе: осуществление военной реформы нельзя поручать генералам. Их надо привлекать, с ними надо работать вместе, но доверять им военную реформу нельзя.

– Так, может быть, нам необходимо еще одно поражение, чтобы эта высшая политическая воля сформировалась определенно?

– Мы говорим, что нам хватит Афганистана и всего того, что происходит в Чечне. Но у меня такое ощущение, что некоторым военным нужна еще какая-нибудь катастрофа.

Я уверен, что переход вооруженных сил на контракт неизбежен. Вопрос только в сроках: успеем ли мы провести реформу раньше крупного военного поражения. И до начала июня должно быть принято вполне ясное решение.

– Почему именно в эти сроки?

– Как я говорил, у нас скоро будет тяжелая демографическая ситуация, обусловленная последствиями Второй мировой войны. И для

того чтобы включить расходы на реформу в бюджетный процесс 2004 года, решение надо принимать сейчас.

– *Ваши прогнозы: будет ли принято решение?*

– Было несколько эпизодов, когда военная реформа начинала стартовать, а потом останавливалась. Каждый раз был нужен импульс сверху. Только тогда, когда такой импульс проходил, начинало что-то крутиться, что-то делаться. Правда, через некоторое время все опять останавливалось. Сейчас ситуация абсолютно критическая. Президент заявил, что к 1 июня ждет от правительства, Минобороны и Минфина программу по реформе комплектования. И то, что предложили военные 24 апреля, на мой взгляд, неприемлемо.

– *Позиции понятны, разногласия определены. Что будет, если президент поддержит не вас?*

– Мы будем продолжать излагать свою позицию, доказывать свою правоту, объяснять ее обществу. И рано или поздно обязательно добьемся того, что общество нашу позицию поймет и поддержит. Мы не закончим нашу борьбу за военные реформы независимо от того, какое решение примет высшая власть.

Интервью брал Александр Будберг.